

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МОДУСНОГО АСПЕКТА ТЕКСТА

Целью данной работы является анализ роли вставных конструкций как элемента текстовой структуры произведения в реализации авторской модальности как воплощения авторской интенции, определяющей текстовую модальность.

При анализе художественного текста нельзя обойти вниманием такую категорию, как модальность. Понимание любого текста есть сложный процесс взаимодействия, осуществляемого между автором и читателем. Интерпретация текста с позиции выявления авторского присутствия предполагает обращение исследователя к категории модальности как к интегрирующему элементу всего текста, скрепляющему в единое звено все текстовые фрагменты. Выявить отношение автора к действительности, его взгляд на мир, его систему ценностей можно через категорию модальности.

Категория модальности рассматривается в работах как лингвистов, так и литературоведов. В западноевропейской литературе широкое признание получила лингвистическая концепция модальности Ш. Балли о диктумных и модусных компонентах высказывания (предложения). Согласно этой кон-

цепии объективные моменты отражения действительности относятся к диктуму, а субъективная часть – отношение говорящего к высказыванию – составляет модус предложения.

В рамках текстовой лингвистики в исследованиях А.В. Бондарко, В.Г. Адмони, Е.В. Падучевой, Д.А. Парамонова ведется изучение категории модальности как важной характеристики текста, рассматриваются типы значений субъективной модальности, средства их выражения. Текстовая модальность определяется авторской модальностью, тем сознанием, которое стоит за текстом, а оформляется, выражается средствами языковой (объективной / субъективной) и речевой модальности (как речевая категория модальность выходит за рамки лексической и грамматической семантики и включает коммуникативные стратегии и тактики).

В исследованиях таких авторов, как В.А. Кухаренко, И.Я. Чернухина, Н.С. Валгина, лингвистическая интерпретация текстовых явлений получает коммуникативную и когнитивную направленность. В рамках комплексного подхода к анализу текста категория модальности рассматривается как одна из когнитивной стратегии лингвистического анализа и утверждается понятие когнитивной модальности, которая помогает вскрыть концептуальные структуры текста (В.Н. Мещеряков).

Особую актуальность приобретают эти исследования в связи с решением проблемы языковой личности и проблемы языковой картины мира. По мнению когнитологов, изучение когнитивного содержания категории модальности обеспечивает раскрытие ее культурологического содержания, а также способствует постижению концептосферы автора.

В своей работе «Теория текста» с понятием модальности связывает Н.С. Валгина авторскую модальность, понимая под ним воплощение в литературном произведении личности художника, его концепций видения реальности, его точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций при общей установке восприятия текста как цельного произведения. Для определения интенций автора и его целеполагающих установок не менее важным является такой конструктивный признак текста, как образ автора, который выступает семантико-стилистическим центром любого произведения.

Одним из средств выражения в текстовых фрагментах категории модальности мы считаем вставные конструкции, выполняющие текстообразующие функции и связывающие текст в единое смысловое и структурное целое. В зависимости от аспекта рассмотрения (когнитивный аспект, авторская модальность, текстообразующая сущность категории модальности) предмет может меняться, корректироваться, объект же при этом остается прежним: категория модальности и текст, текстовая категория модальности.

Художественная литература, в частности современная проза, дает немало материала для лингвистического анализа текстовой модальности. При всем разнообразии стилистических комбинаций и ходов прозы Т. Толстой во многих рассказах идейно-стилистическим центром является эксцентриче-

ский образ автора, мастера эпатажа и иронии. В рассказе «Bonjour, moujik! Pochiol von!» из цикла «Пуговицы» сборника «Изюм» внутренняя авторская эмоциональная напряженность достигает своей логической кульминации.

В рассказе «Bonjour, moujik! Pochiol von!» целевой установкой автора является выражение идеи упадка нравов и морали, забвения культуры. Т. Толстая не скрывает своей разочарованности и тоски по поводу массового невежества народа. Ироничную и злобную насмешку направляет она в адрес недоброжелателей дворян и аристократов из народной массы. Речевыми средствами выражения эмоций во вставных конструкциях служат ряды глаголов и имен существительных общего рода с семантикой презрения и злобы. Семантическое поле языковых номинаций со значением «недоброжелатель» создается включением лексем с неодобрительной характеристикой поведения людей (*гады, заразы, кровопийцы, паразит*): «*Наши бизнесмены (гады, заразы, кровопийцы), фермеры (у, паразит, развел свиней под самым носом, когда я как раз на бугре с пол-литрой расположился, птиц послушать), врачи (знаем! им только взятки брать да коньяк трескать!), банкиры (нахапает денег и бежать), ученые (от этих просто трясет, не знаю почему, но, право, трясет)*». Открытые ряды образует глагольные лексемы с семантикой незаслуженного присвоения или получения чего-либо («*схвачен*», «*завязан*», «*нахапает*»): «*Вчерашний член партии, инженер, держатель сахарных талонов, – и мясник у него «схвачен», и авторемонт «завязан», – вдруг вспоминает, что он, собственно, белая кость, что и прадеды сиживали одесскую, что и вообще в нем, знаете, что-то такое особенное...*»

Образ автора – невитневатой рассказчицы – создается с помощью пласта сниженной разговорной лексики с отрицательной, негативной коннотацией (*трескать, людишки, нахапает, гады, заразы, кровопийцы, паразит*). Чтобы найти контакт с читателем – одна из прагматических установок автора – Т. Толстая идет на языковое и речевое сближение с современным массовым потребителем литературы. Отрицательная авторская оценка передается лексемами, выражающими различные эмоции из семантического континуума уничтожение – презрение – злость – гнев. Автор словно растворяется в обществе персонажей Зошенко и становится с ними на одну социальную ступень, вступая с ними в диалог, перенимая их стиль общения, примеряя их стиль мышления. Уже трудно становится отличить субъекта повествования от создаваемых им образов героев. Немногочисленные вкрапления иноязычной лексики (имена собственные) позволяют догадываться об истинном смысле авторской оценки происходящего: «*И девятое января случаются, и Белья и Малья то отложатся, то приложатся, то опять отложатся, то опять приложатся – шатание в людишках великое, – и Бессарабия кочует, и «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал», и Крым завещан Кравчуку Богом, не говоря уж об Одессе (здоровеньки бульмсье де Рибас), и уже не разложены карты периода до Ермака с целью пресмотра и передумывания*».

Анализ вставных конструкций в тексте Т. Толстой «Воплои, мойжик! рощиол воп!» показывает, что вставные конструкции организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия произведения. Включение в текст фрагментов с ВК есть одна из стратегий построения текста и одна из стратегий экспликации авторского сознания как элемента категории модальности.